

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Четверть века советской литературы*

Доклад на Юбилейной сессии Академии наук СССР
18 ноября 1942 года

В нынешней войне, особенной и небывалой, человечество потрясено в основах бытия, и народные массы призваны к повышенному волевому и моральному состоянию. Нынешняя война — это война моторов. Это так, но это не полное определение: моторов и силы преодоления страданий, нравственной силы.

В этой войне не счастье, не случай и не только талант полководца принесут победу; победит та сторона, у которой больше моторов и тверже нравственный дух народа.

Нравственные категории приобретают решающую роль в этой войне. Глагол уже не только уголь, пылающий в сердце человека, глагол идет в атаку миллионами штыков, глагол приобретает мощь артиллерийского залпа.

Вот почему особенно уместно в наши дни говорить о литературе, о каменщиках крепости невидимой, крепости души народной.

Нравственный свет никогда, даже в самые трудные и тяжкие времена, не угасал в русском народе. То он дивно светил в устном творчестве, в сказках и песнях, то теплился огоньком копеечной свечи в келье летописца, то жег и звал на подвиги совести в творениях неистового Аввакума. Все разгораясь, он осветил мир неугасимым пламенем русской литературы, — от Ломоносова до наших дней.

По силе идейного огня и нравственной глубины образов, богатству и пластичности языка наша литература — явление удивительное, единственное в мировой литературе, вызывающее преклонение всякого, кто мыслит. Мы несем миру тот образ человеческий, с кото-

* Трудami Института мировой литературы им. Горького был подготовлен за время войны XI том истории русской литературы — том советской литературы. В основу моего доклада положена работа над этим томом. (Примеч. А. Н. Толстого.)

рым только и могут жить люди и побеждать во имя движения к совершенному.

Октябрь был рубежом, когда завершился огромный период развития русской литературы — критического реализма. Нынешняя Отечественная война завершила два с половиной десятилетия советской литературы — период поисков позитивного социалистического реализма, в основе которого лежало отражение всех общественных процессов борьбы и строительства нового, справедливого мира и напряженного строительства обороны перед надвигающейся мировой войной. В эту войну советская литература начинает свой новый период — она пошла в окопы и на заводы, и она становится живым и непосредственным голосом воюющего народа, почти народным творчеством.

С позиций сегодняшнего дня мы окидываем путь, пройденный классической и советской литературой.

Достоевский говорил о русских писателях, что все мы вышли из гоголевской «Шинели». Но так ли это? Наряду с галереей «униженных и оскорбленных», наряду со сладкой российской бездельной тоской, с монстрами города Глупова, — проходят образы простых, отважных, честных русских патриотов, — Гриневы, Тушины, Денисовы, герои «Севастопольских рассказов», «Войны и мира». Эта линия русской литературы протягивается прямо к Сталинграду, к тем героям Красной Армии, которым изумляется мир.

Слишком много было отдано в истории литературы и в преподавании ее «лишним людям», чеховским людям, — так много, что немцы широко использовали для пропаганды против нас этот мотив, стремясь представить русского человека как лишнего человека.

Правда, сила классической русской литературы XIX века состояла как раз в том, что, изображая униженного и оскорбленного, она внушала читателю необходимость революционного выхода, говорила ему: «Человек создан для счастья, как птица для полета», и, наконец: «Человек, это звучит гордо!»

На гробне классической литературы стоит огромная фигура Льва Толстого. Он весь — из противоречий, потому что он всей обнаженной совестью дышит противоречиями своего времени. Он готов сам пожирать самого себя. Его мощь, как у Антея — земля, народ, неугасяемая нравственная сила народа. После Льва Толстого литература переваливает через хребет и клонится к упадку. Лев Толстой пишет Н. Страхову: «После Пушкина, Лермонтова, Гоголя одна линия нашей литературы пришла совсем в упадок, другая пошла в народ, ушла под землю и выплывет, бог даст... Счастливы те, кто будет участвовать в выплывании».

Лев Толстой ушел под землю, как Вий, опустив сердитые веки. С ироническим вздохом ушел Чехов. В тоске ожидания грозного возмездия томился Александр Блок, чтобы спеть «Скифы» и «Двенадцать» и уйти раньше времени. Классический период критического реализма завершился. Оставалась одна фигура — Горького, и он шагнул в будущее, чтобы начать собою новый период советской литературы.

Горький — на рубеже двух эпох. Он — живой мост между нашим классическим наследием и нами. Горький пришел в литературу как посланец революции, пришел, чтобы «не соглашаться со свинцовыми мерзостями жизни» и победить их. Опираясь на марксизм, на беседы с Лениным, на знание народной жизни, на свой жизненный опыт, он создал поэзию воинствующего гуманизма. И этот гуманизм стал знаменем советской литературы.

В классический русский реализм Горький внес те новые революционно-романтические элементы, которые в советской литературе развились в целое направление социалистического реализма.

На съезде писателей в 1934 году Горький сказал: «Мы накануне катастрофы, фашизм готовит новую всемирную бойню...» И далее, как бы предвидя наши дни: «Мы вступаем в эпоху, полную величайшего трагизма, и мы должны готовиться, учиться преображать этот трагизм в тех совершенных формах, как умели изображать его древние трагики... История призвала нас на беспощадную борьбу со старым миром».

Горький выпестовал, а затем и повел советскую литературу по пути раскрытия общечеловеческого смысла тех глубоких общественных и экономических процессов, которые начинались с бывшей Российской империи всерьез и надолго.

Именно это — общечеловеческий нравственный исторический смысл всего советского строительства, — как единственного пути развития общества, — и былой новизной и тем преимуществом, которые внесла советская литература в сокровищницу мировой литературы. То, что удалось советским людям завоевать и построить, те человеческие качества, которые советские люди при этом обнаружили, те идеи, которые их вдохновляли в упорстве построения нового общества, — все это послужило советским писателям материалом, сюжетом, идеями их произведений.

Пусть иные из них были слишком прямолинейны, схематичны, иные вместо пера вооружены дубиной, другие не выдержали критики времени, — во всех них отражено биение неповторимых эпох: гражданской войны, строительства пятилеток, борьбы за бесклассовое общество, эпох, которые поучительны для всего человечества.

Советская литература не только ставит вопросы о судьбах и путях человека: «что делать?» и «кто виноват?», как это ставила ли-

тература классическая, но отвечает на эти вопросы, отвечает с тем мужеством, какое она подслушала в грохоте народного строительства. Она охотно показывает моменты нравственного перерождения человека при соприкосновении его с обществом, строящим справедливость.

Типический герой советской литературы — это человек идеи и действия, раскрывающийся через историческое дело своего народа. Дело так велико, что нередко герой повествования скрывается за очертаниями строительства, и истинным героем становится завод, город, плотина, рудник...

У героя советской литературы, не в пример классическим героям, мало рефлексии, самоанализа, — это пионер новой земли, у него засучены рукава, у него грубый голос, он немногословен, он знает, куда ему идти и что делать. Его портрет часто написан поверхностно и не углубленно. До глубокого человеческого портрета советская литература дойдет только в дни этой войны, пораженная и переволнованная высотой нравственного духа двадцати восьми гвардейцев, комсомолки Зои и десятков и сотен тысяч подобных им героев, сынов народа.

Русская литература человечна, как никакая другая из литератур. Но гуманизм классической литературы принципиально отличен от гуманизма советской. Там — жалость, боль за человека, сострадание к нему. Тут — реальная действенная борьба за построение условий человеческого счастья. Там — человечность психологическая. Тут — человечность историческая, определяемая самим содержанием народных идеалов и устремлений. Там — человек — предмет психологической вивисекции, здесь исторический человек.

И недаром в советской литературе так широко развивается исторический роман, чего нет в литературе классической. Там говорили о мессианстве русского народа и часто скрашивали эти туманные идеи дебелим крепостничества и черносотенством. Тут, в живой действительности, советский писатель увидел исторически обусловленный, подлинный народный русский характер, в наши дни развертывающийся в небывалых самоотверженных подвигах строительства и кровавой борьбы с фашизмом и впервые, как колокол града Китежа, зазвучали в советской литературе слова: святая Родина.

Весь опыт литературы прошлого века почти не дал нам художественного опыта, традиций и стиля для изображения оптимистической, жизнеутверждающей силы, вошедшей в жизнь, чтобы преобразовать ее.

Не имея предшествующего опыта, советская литература ищет форм и стиля жизнеутверждающего реализма. В ней еще много ненайденного и незрелого. Стил и формы более благоприятно разви-

ваются в периоды затишья, некоей стабилизации, в отстой жизни. У нас нет затишья. Наше двадцатипятилетие это стремительное движение вперед, в упорной борьбе, в вечном преодолении. Отсюда — еще незрелый почерк многих наших писателей, их прямолинейность, часто в ущерб многосторонности и роскоши стиля.

Социалистическая идейность — первое принципиальное и главное завоевание нашей литературы. Второе ее завоевание — народность. Советская литература, как целое, не сразу овладела этой величайшей для каждого писателя возможностью говорить с народом и быть понятным народу. С этой стороны поучительны некоторые моменты истории литературы истекшего двадцатипятилетия. Ее развитие, в основном, прошло два этапа, соответствующих двум большим этапам в развитии нашей страны. Первый этап: от Октября до того года, который был назван Сталиным «годом великого перелома». Второй — от начала тридцатых годов до Отечественной войны. В наши дни, как я уже сказал, начинается новый этап советской литературы.

От Октября до года великого перелома в стране практически еще не был решен вопрос «кто кого?», внутри общества шла борьба социалистических и капиталистических элементов, борьба за направление, за содержание революционного процесса. Все это отражалось на идеях, темах, сюжетах и стиле литературы.

С тридцатых годов начинает определяться новое, социалистическое общество. Страна — в напряжении строительства пятилеток. Литература стремится отразить эти новые общественные процессы. Борьба кружков и направлений, характерных для предшествующего периода, кончается, уступая место идейному сплочению, которое иногда принимает нежелательный характер общей нивелировки. Выбор тем, манера изложения, отношение к предмету, человеку, — все, что мы называем стилем, — подчиняется целеустремленности строительства, происходящего в стране. Литература окрашивается патетикой времени и стремится к познанию и отражению действительности. Расцветает очерк, и нередко реализм подходит к опасной грани натурализма.

Внутри первого этапа или периода можно выделить некоторые литературные циклы. Это, прежде всего, годы гражданской войны, затем — нэпа.

Октябрь застал русскую литературу, в лице эпигонов великого века, в упадке и разложении. За небольшими исключениями, за исключением Горького, она была далекой от народа и чуждой ему. Были порваны последние нити, связывающие ее с освободительными традициями XIX века. Война 1914 года беспощадно продемонстрировала это падение, когда какой-нибудь эстет, поэт Игорь Северянин,

выстреливал в пустоту фразой: «Если в грозный час таинственный падет последний исполин, тогда ваш нежный, ваш единственный, я поведу вас на Берлин...». — Самой низкопробной халтурой, вроде: «С крестом в груди, с железом в сердце» — Муйжеля и сотен других сочинителей, наполнены были страницы журналов и газет. Чтобы стать понятной воюющему народу, литература первой мировой войны спустилась со своей башни и, торопливо заgrimировавшись под патриота, загаерничала, засюсюкала, запричитала на все фальшивые голоса. Народ не принял и злобно оттолкнул от себя эту шутиху — барскую барыню.

Сравните ее с литературой второй мировой войны, наших дней, когда все устремления советской литературы — подняться до уровня моральной высоты и героических дел русского воюющего народа. Литература наших дней — подлинно народное и нужное всему народу высокое гуманитарное искусство. Она круто идет на подъем. Это стихи Твардовского, Симонова, Исаковского, Сельвинского, Суркова, последние стихи Анны Ахматовой, сатиры Маршака, ленинградские рассказы Николая Тихонова, произведения Эренбурга и Корнейчука, рассказы Соболева, Паустовского, очерки Бориса Горбатова, повести и очерки Василия Гроссмана, покойного Полякова, военные рассказы непрофессиональных писателей, подписанные майорами или полковниками, «Радуга» Ванды Василевской и многое другое.

Перед огненным лицом Октября растерялись значительные слои интеллигенции, не в силах понять, что же именно новое несет в жизнь рабочий класс, и отшатнулись от революции. Однако все лучшее, что было в нашей интеллигенции, — в литературе в частности, — пошло с революцией. Хорошо тогда (в январе 1918 года) сказал Александр Блок: «Дело художника, обязанность художника видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит разорванный ветром воздух».

А было задумано:

«Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью».

Это настроение всеочищающей революционной метели, ворвавшейся в лживую и угрюмую жизнь, и вложил Блок в поэму «Двенадцать». В ней, однако, больше — от поэтического устремления, чем от исторического понимания.

Вместе с Октябрем ворвался в литературу образ народа. Он пришел, как нечто слитное, массово целое, в котором неразличимы личности. Личность тогда казалась неотделимой от буржуазного индивидуализма и отрицалась вместе с ним. Таков этот человек-масса

в «150 000 000» Маяковского, в повести «Падение Даира» Малышкина и отчасти в «Железном потоке» Серафимовича.

Момент отрицания всего прошлого литературного наследия, заклеивания его дворянским и буржуазным индивидуализмом и классово-враждебной литературой принимал в те ранние годы уродливые формы. В литературу Октября пришли люди из буржуазной среды, и разночинная интеллигенция, и молодежь прямо с полей гражданской войны, с фабрик и заводов, селькоры, сельские учителя и другие. Была и значительная группа людей, которые противоречиво совмещали с публицистической революционной страстностью враждебные революции настроения.

Это отрицание литературного наследия сильнее всего выявилося в Пролеткульте, а затем в РАППе. Проявилось стремление противопоставлять пролетарскую культуру всей культуре человечества, и отсюда — тенденция вбивать осиновые колы и жечь музеи. Это была цеховщина и махаевщина, немало наделавшая бед в нашей литературе, немало искривившая писательских биографий.

Все премудрости пролеткультовских и рапповских «теоретиков» не шли дальше сортировки произведений и самих писателей на черных и белых, на буржуазных, которых надо изничтожить всеми способами, и на пролетарских, которых нужно прославлять. Много тут было от невежества, от старого русского нигилизма, но была тут и прямая работа фашистских агентов, пролезших в литературу. Они подменяли пафос революционной переделки мира крикливой и угрожающей демагогией.

Но сила литературного движения революции была в том, что оно жило одним биением сердца с народными массами, и в том, что в своих основных линиях оно направлялось партией и лично Лениным и Сталиным. Советская литература в своем художественном развитии от человека-массы пришла через четверть века к индивидуальному человеку, представителю воюющего народа, от пафоса космополитизма, а порою и псевдоинтернационализма — пришла к Родине, как к одной из самых глубоких и поэтических своих тем.

В центре литературной жизни двадцатых годов стоит Маяковский. Он вошел в литературу после 1912 года на гребне подъема рабочего движения в России и отразил в своем творчестве именно это нарастание революции. Вначале его революционный протест ограничивался рамками эстетической борьбы кружка футуристов. Октябрь дал подлинный размах его творчеству. Именно в борьбе за социализм он вырос в народного поэта-трибуна, которому «улицы — наши кисти, площади — наши палитры». То, чего не дано было сказать рванувшемуся к революции Блоку — сказал Маяковский: мощными ударами переделать, перестроить лживый, обезоб-

раженный мир. Никто, как Маяковский, так не выразил душу революции.

Байрон наполнил начало XIX века образами мятежного протеста: богоборца, одинокого свергателя злых демонов мира. В начале XX века с иной, но не меньшей силой зазвучал голос поэта пролетарской революции. «Пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм». Маяковский создал новый грандиозный стиль революционной поэзии, — огромные полотна, написанные размашистой и разгневанной кистью. Это была поэзия восстания, где звучал шаг наступающего пролетариата: «Левой, левой, левой...» Это была поэзия вытянутой вперед, указывающей руки, как ответа на вопрос — что делать человеку сегодня, сейчас, немедленно, если он — с пролетарской революцией. Вот откуда то огромное впечатление, которое произвел он на революционную и передовую поэзию во всем мире, и глубокое влияние его на поэтов всех литератур в Советском Союзе. Вот почему Сталин назвал Маяковского «лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи».

О Маяковском можно сказать то же, что Герцен сказал о Белинском: «Это был “человек экстремы”, человек крайностей, именно, по-русски: самых левых, самых крайних крайностей. Советская культура строится на известном сочетании новаторского и преемственного, на критическом пересмотре истории с тем, чтобы новое росло на здоровых глубоких корнях. В максимализме Маяковского трубят фанфарой чисто русская тема становления превыше всего общенародного размаха в будущее, без сожаления о прошлом: «Славлю отечество, которое есть, но трижды, которое будет».

Маяковский неотвратимо заполняет наше воображение, когда он в творческом порыве стремится «переделать все», и он меньше говорит нашему раненому сердцу, когда оно в дни войны болеет болью о России и в этой боли находит гнев, и самоотвержение, и богатырскую силу.

Советская художественная проза и в значительной мере драматургия вышли из темы гражданской войны. Первое поколение советских писателей, например «Серапионовы братья», пришло в литературу, в непосредственную школу Максима Горького прямо с фронта. Они принесли с собой, как простреленные шинели на плечах, романтику гражданской войны, героику народа, с отчаянной отвагой разметавшего белые армии.

Лучшие произведения того первого этапа советской литературы напоены поэзией героики пролетарской войны: «Чапаев» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Виринея» Сейфуллиной, обаятельная поэма Багрицкого «Дума про Опанаса», «Партизанские повести» и «Бронепоезд» Всеволода Иванова, «Города и годы»

Федина, «Любовь Яровая» Тренева, «Разгром» Фадеева, «Первая конная» Вишневского, «Улалаевщина» Сельвинского и многое другое. «Педагогическую поэму» Макаренко — поэму о героическом перевоспитании человека — тоже можно отнести к романтике этих лет.

Существенно отметить, что позже, в тридцатых годах, героическая тема гражданской войны послужила многим советским писателям, чтобы выразить, но уже в новом идейном повороте, тот патриотический подъем, который нарастал в нашей стране в связи с построением обороны, в предвидении второй мировой войны. Таковы, например, роман «Над Кубанью» Первенцева, «Пархоменко» Вс. Иванова, «Одиночество» Вирты, «Я сын трудового народа» Катаева, пьесы Погодина «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты».

Другое замечательное явление нашей литературы — Михаил Шолохов. Он целиком рожден Октябрем и создан советской эпохой. Он пришел в литературу с темой рождения нового общества в муках и трагедиях социальной борьбы. В «Тихом Доне» он развернул эпическое, насыщенное запахами земли, живописное полотно из жизни донского казачества. Но это не ограничивает большую тему романа: «Тихий Дон» по языку, сердечности, человечности, пластичности произведение общерусское, национальное, народное. В наши дни, когда русский народ ведет титаническую борьбу и в центре нашего внимания не жертва исторического процесса, каким является герой «Тихого Дона» Мелехов, а народный герой — русский богатырь, мы видим и недостатки этого романа: от Мелехова до воина Красной Армии, бросающегося со связкой гранат под вражеский танк, чтобы подорвать его своим телом, — не протянуть генетической линии. Мелехов — только жертва, погибшая в противоречиях исторического процесса. Но донское казачество перешагнуло через противоречия, и пламенную любовь его к советской родине — древнюю удадь и отточенные клинки испытывают на своих шеях солдаты Гитлера.

Много было литературных споров о правильном или неправильном пути казака Мелехова по страницам шолоховского превосходного романа, — сама жизнь разрешила эти споры.

Вместе с нэпом в литературу двадцатых годов влилось много противоречивых мотивов. Можно, в известной мере, говорить о нэповском литературном цикле. Это, главным образом, относится к сатирической струе в прозе и драматургии. В атмосфере противоречий родилась лукавая, умная, прелестная проза Зощенко, с его иронически приниженным героем-обывателем, которого он и высмеивает и жалеет. Нэповский красный купец — это смешная и жалкая карикатура на европейского буржуа, это жуликоватый, увертливый

приспособленец, — маркитант, раскинувший свою жалкую палатку среди лагеря суровых солдат, отдыхающих между двумя боями.

Еще вчера мы видели и на кухне и в трамвае зощенковского героя. Сегодня его уже нет. История идет стремительными шагами, и сейчас жало сатиры должно быть устремлено на иные явления нашей жизни. Мы ждем новой сатиры, она нам необходима в созидательной работе, — об этом свидетельствует, например, то благотворное впечатление, которое произвел «Фронт» Корнейчука, хотя в нем только элементы сатиры.

Сила сатирического оружия ярко иллюстрируется современными газетными статьями Ильи Эренбурга. В двадцатых годах он писал сатирические романы (лучший из них «Хулио Хуренито»), направленные против «жирных» с их гнусностью и грязью. Эти романы послужили ему хорошей школой. Его гневная, кипящая ненавистью сатира на фрицев — не осиное жало, но смертельная пулеметная очередь. Его маленькие статьи, вырезанные из газет, можно найти приколотыми спичкой к стенке блиндажа на переднем крае.

Призрачная легковесность нэпа сказалась на самом характере сатиры того времени. Так, в романах Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» люди и факты, подлежащие осмеянию, переведены в низший иронический план, — их не бичуют гневно; Остап Бендер не вызывает у читателя желчи, читатель только посмеивается, — этого врага можно сшибить с жизни щелчком. «Глупая закваска жизни», по выражению Салтыкова, в условиях нэпа превратилась лишь в грязную пену и вызывала скорее ироническое презрение, чем приступ справедливого гнева...

Критический сектор социалистического реализма имеет все предпосылки для своего развития. Но, тем не менее, он еще не развит. Мы надеемся на пришествие нового Белинского, его еще нет. И это одно из наиболее слабых и уязвимых мест нашей литературы.

Критика не может быть малограмотна и не эрудитна; идейность должна быть подкована культурой, которую нужно знать и любить; для беседы с читателем нельзя уже больше оперировать сотней одних и тех же выражений слов, стершихся от постоянного употребления и потому не задерживающихся в сознании читателя, — нужно вспомнить о сорока тысячах слов великого русского языка.

Перед нашей критикой непочатая целина. Приведу хотя бы один пример. До сих пор не разрушено мнение об односторонности влияния западноевропейской литературы на русскую. Лермонтов учился у Байрона, Лев Толстой — у Стендаля, и так далее... Где исследования о влиянии русской литературы на западноевропейскую и американскую? О влиянии Тургенева, Достоевского, Льва Толсто-

го и, в особенности, Чехова — на английскую и американскую литературу? Мы восхищаемся Хемингуэем, но он был бы невозможен, если бы Чехов не открыл ему глаза на мир и не научил в мелочи видеть большое и трагическое.

Значительны успехи советского литературоведения. Благодаря трудам ряда исследователей мы неизмеримо больше знаем теперь о жизни и творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Добролюбова и многих классиков Запада, чем знали о них в дореволюционную пору. Тогда нельзя было и мечтать о таком капитальном, строго-научном издании, как, например, девяностодвухтомное издание сочинений Толстого. Мы не только благоговейно храним наследие наших предшественников, мы изучаем его с новых методологических позиций, о чем свидетельствуют хотя бы десятки томов капитальных изданий Академии наук.

В литературе двадцатых годов было много такого, чем ей пришлось переболеть, и иным писателям не легко далось то, что называлось «перестройкой», то есть идейным переходом в период великого перелома. Была групповщина, идейная слепота, неумение, а порой и высокомерное нежелание видеть и изображать существенное, исторически обусловленное. Был формализм — бесплодная, а потому и вредная игра в сюжетный и словесный орнамент, подменяющий идейную сущность литературы, ее глубокие, всегда трудные творческие процессы — внешними анекдотами и сюжетными фокусами. Было ухарское отношение к революции с изображением традиционных «братишек». Было интеллигентское нытье, раздувание обид «маленького человека», за которым гонится Октябрь, как Медный всадник за Евгением. Все это не выходило за стены кружков и редакций. Холодный огонь этого фейерверка блистал или чадил без присутствия широкой публики. Участие советского народа в литературе было еще впереди. Тиражи книг ограничивались пятью и десятью тысячами экземпляров. Через десять лет такая книга, как «Тихий Дон», уже будет издана в 2 500 000 экземпляров.

В начале тридцатых годов в рядах писательской интеллигенции под влиянием решающих побед социализма происходит глубокий идейный переворот. Литература стягивается к основным, жизненно необходимым стране, целям и установкам партии и советской власти. Это стягивание нашло отражение в известном постановлении ЦК от 23 апреля 1932 года о ликвидации РАППа и перестройке литературно-художественных организаций.

Литература второго периода характеризуется прежде всего единством идейных устремлений. И это было шагом на пути народности нашей литературы. В эти годы навстречу литературе поднимает-

ся многомиллионный читатель, — народ-строитель, приведенный в движение культурной революцией. Все это, вместе взятое, придает новый характер нашей литературной жизни и углубляет сознание ответственности литературы перед народом, его великим делом.

Эта нарастающая встреча литературы и читателя обогащается углублением хозяйственно-политических и культурных связей русского народа с братскими народами Советского Союза. Процесс слияния литературы с широким читателем активизируется народным трудом на фронтах пятилеток. День и ночь по всей стране скрежещут зубы экскаваторов, трещат пневматические молотки, растут стены заводов и городов. В деревнях планируется переход от индивидуальной чересполосицы к огромным массивам коллективного хозяйства.

Все это тянет и увлекает за собой литературу, которая охотно становится художественным летописцем экономического переворота или, словами Герцена: «шагает по следам великой армии исторического движения».

Так возникают индустриальные и колхозные романы, повести и пьесы, — о социалистическом строительстве и его людях. Среди множества произведений этих лет многие приобретают принципиальное, показательное значение в смысле введения в литературу нового, никогда еще ею не освещаемого материала. Таковы, например, — роман «Цемент» Гладкова, «День второй» Эренбурга, «Соть» Леонова, «Время, вперед!» Катаева, «Большой конвейер» Ильина, «Поднятая целина» Шолохова, «Бруски» Панферова, «Гидроцентральный» Шагинян, «Страна Муравия» — замечательная поэма Твардовского, «Танкер “Дербент”» Крымова и многое другое. В то же время в литературе крепнет новое поколение писателей таких, как Соболев, Корнейчук, Павленко, Симонов и другие.

От романтического восприятия истории недавнего прошлого литература переходит к исторической конкретности. На ее глазах народ строит свое историческое настоящее и будущее. Появляется новый литературный герой, это уже не человек-масса и не поверхностно обобщенный романтический персонаж гражданской войны, это — человек сегодняшнего дня, строитель, но он пока еще больше обобщен, чем типизирован, он больше живописуется внешними признаками, чем внутренней характеристикой, он больше представитель своей профессии, чем живая личность; у него опасная тенденция к мельканию по страницам повести, к условному персонажу, к «кожаной куртке», к штампу.

Последние годы перед войной отмечены литературной борьбой за изживание условного человека. Литература борется за восстановление генетических линий и связывает нити, тянущиеся от современного человека к историческому прошлому, — на первом этапе

эти нити были оборваны и порой обрывались умышленно, как, например, деятельностью РАППа. В поисках великого исторического наследия литература обращается к историческому роману. В последние годы перед войной он преобладает над другими жанрами. Это романы: «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского, «Дмитрий Донской» Бородина, «Чингисхан» и «Батый» Яна, «Великий Моурави» Антоновской, «Возмутитель спокойствия» Леонида Соловьева и предшествующие им: «Разин Степан» Чапыгина, «Болотников» и «Труды и дни Ломоносова» Георгия Шторма, «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова, «Цусима» Новикова-Прибоя, «Одетые камнем» Ольги Форш и ее трилогия из времен Екатерины II и многое другое.

Гуманизм советского строя сказался во всенародной заботе о детях. Начатая в двадцатых годах советская детская литература завоевала всемирное признание. На английский, испанский, польский, болгарский, японский и другие языки, а также на языки всех народов Советского Союза переведены книги Чуковского, Маршака, Ильина, Михалкова, Бориса Житкова, Барто и других поэтов и прозаиков.

Война завершает два с половиной десятилетия советской литературы, богатой и своеобразной, со всеми достоинствами и недостатками молодости. Прежде всего, это литература десятков миллионов читателей. В ее развитии есть особенная черта, которую история литературы не знала: это идейно вдохновляющая помощь партии и правительства и лично — товарища Сталина.

Война открыла новый этап, новый ее период. Мы присутствуем при удивительном явлении. Казалось бы, грохот войны должен заглушить голос поэта, должен огрублять, упрощать литературу, укладывая ее в узкую щель окопа. Но воюющий народ, находя в себе все больше и больше нравственных сил в кровавой и беспощадной борьбе, где только победа или смерть, — все настоятельнее требует от своей литературы больших слов. И советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа. Она находит слова правды, высокохудожественные формы и ту божественную меру, которая свойственна народному искусству. Пусть это только начало. Но это начало великого.

Таковы три этапа, три периода, три ступени, по которым поднимается советская литература. В ее развитии можно подметить одну закономерность: удача писателя, движение литературы вперед всегда шло от нового содержания социальной жизни. Содержание часто опережало форму. И часто — сочувствие к содержанию и воображение читателя дополняли то, что в книге было указано пунктиром или в виде схемы, то, на что у писателя еще не хватало сил и опыта для

изображения. Можно назвать произведения, широко популярные среди читателей и любимые ими, как, например, «Как закалялась сталь» Островского, которые в художественном отношении и в отношении пластичности языка не могут полностью ответить возросшим эстетическим требованиям нашего современного читателя.

Мы не гурманы и не эстеты. Но, ставя общие задачи нашей литературы, выдвигая прежде всего — жизненную правдивость, политическую актуальность, мастерство пластики, живописности, композиции, богатство и свежесть языка, мы неустанно должны подтягивать форму к содержанию, требовать от литературы таких же смелых дерзаний, какие совершает наш народ, требовать такой же нравственной высоты, на которую поднялся наш народ, требовать от искусства чуда, ибо наш народ перед лицом всего мира совершает чудо в своей борьбе за родину.

Третий краеугольный камень нашей литературы, заложенный Октябрем, — это многонациональный характер советского литературного движения.

Никогда история мировой литературы не знала такого согласного многоголосого и взаимно оплодотворяющего литературного хора, как в Советском Союзе. Тарас Шевченко с горькой иронией в своей поэме «Кавказ» говорит, что в царской России все народы «от молдавана до финна, на всех языках, все молчат». Слишком хорошо известна насильственная русификация, проводившаяся в Российской империи, — подавление царской цензурой национального развития народов, как будто можно было заставить народы забыть свой родной язык, свое историческое прошлое, подавить в них священное стремление к независимости!.. Если бы не Октябрьская революция с ее прямолинейной и честной национальной ленинско-сталинской политикой, Россию, вне сомнения, постигла бы участь всякого лоскутного государства. Так навсегда распалась священная Римская империя, так неминуемо распадается Третья империя, наспех окровавленными нитками насильственно сшитая фашизмом из государств Европы.

Было бы несправедливо утверждать, что русская интеллигенция участвовала в позорном и, прежде всего, неумном и недалёковидном процессе царской русификации. Передовая русская интеллигенция всегда стояла на иной точке зрения, — на той, которая была осуществлена Октябрем. Русская литература оказывала прогрессивное влияние на формирование общественного самосознания у национальных интеллигенций народов царской России. Если обратиться к биографиям виднейших национальных деятелей середины и конца прошлого века, станет очевидно, что передовые идеи, понимание жизни и истории они черпали в нашей классической литературе

у Пушкина, Тургенева, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Л. Толстого, Щедрина, Островского, Горького. Эти имена мы найдем в записных книжках, письмах, в признаниях друзьям, наконец, в самих произведениях писателей: в Грузии — у Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, в Азербайджане — у Мирзы-Фатали Ахундова, в Армении — у Налбандяна, Сундукяна, Ованеса Туманяна, на Украине — у Леси Украинки, Коцюбинского и, конечно, у Шевченко, в Белоруссии — у Купалы и Коласа, у узбеков — у Фурката, у казанских татар у Шарифа Камала, у осетин — у Коста Хетагурова, у евреев — у Переца, Шолом-Алейхема и так далее.

Передовая русская литература никогда не знала высокомерного отношения к населявшим Россию народам. В ней никогда не было колониальной струи, колониальных мотивов, столь характерных для литератур некоторых европейских народов. Расцвет дружбы народов в советской литературе возник не на голом месте. Эта дружба уходит корнями в прошлое — в прогрессивную миссию русской литературы, в прогрессивную роль русского народа и его культуры.

Там, где на карте Российской империи были белые пятна молчания и неграмотности, на карте СССР расцветают и растут национальные литературы... Сталин говорит в своей книге «Марксизм и национально-колониальный вопрос», что свойство революции не уменьшать, а увеличивать количество языков, а следственно и литератур. За четверть века десятки народов в Советском Союзе впервые в своей истории создали свою письменность. Накануне Великой Отечественной войны у нас издавались книги на девяноста языках, причем среди них были языки, ранее почти неизвестные: саамский, мансийский, абазинский, вепский и другие.

Но, разумеется, не у всех народов и племен успела уже сложиться своя художественная литература. Советская литература не только многонациональна и многоязычна, но и многостадияльна, — в ней соседствуют все стадии или ступени развития: от бесхитростной песенки ашуга или первого рифмованного опыта на языке только что созданной письменности, — до повести, романа, поэмы и драмы, которые переводятся на все языки мира.

Можно считать, что у нас, кроме русской, тридцать пять, тридцать шесть оформившихся литератур, а если прибавить к этому литературы прибалтийских народов, то число их вырастет до сорока.

У нас есть литературы народов, прошедших путь промышленного капитализма и имеющих свои развитые литературные традиции, — это литературы: украинская, белорусская, еврейская и народов Прибалтики. К ним близки литературы закавказских народов, с их тысячелетней культурой: грузинская, армянская, азербайджанская. Древни и глубоки литературные традиции у народов Средней

Азии. Это в особенности относится к Узбекистану. Однако условия феодальных отношений и колониального гнета были здесь особенно тяжелыми, — за исключением изустной народной песни, литература со всеми признаками эпигонства служила почти исключительно феодальной верхушке. Народ был сплошь неграмотен. Поэтому советское литературное движение было для народов Средней Азии ренессансом, возрождением национальных культур, после веков почти что полного молчания. Литературы узбекская и казахская за последние годы перед войной обогащаются, кроме присущего им поэтического жанра, — повестью, романом и драмой. То же можно сказать про литературу таджиков, туркмен, киргизов, каракалпачков и народностей Дагестана.

Литературы «малых народов», исчисляющие свой возраст двумя, тремя десятилетиями, целиком созданы Октябрем: это литературы Башкирии, Чувашии, Коми, Мари, Якутии, Мордовии, Кабардино-Балкарии, Черкессии, Ингушетии, Абхазии, Адыгеи, Ойротии, бурят, калмыков, лезгин, аварцев, удмуртов, чеченцев и других народностей и племен.

В развитии наших национальных литератур нужно выделить два момента. Во-первых, возрождение и необычайный расцвет устного народного творчества и, во-вторых, как уже упомянуто, развитие новых, до того мало им известных или совсем неизвестных форм, — романа, повести, драмы, киносценария. В развитии этих форм огромную роль сыграл русский язык, ставший вторым родным языком для литературной интеллигенции народов Советского Союза.

Расцвет устного народного творчества — принципиальная черта нашего литературного движения. Богатства фольклора необозримы. Например, в Казахстане записывают у одного акына, поющего эпическую поэму «Сорок богатырей», приблизительно триста тысяч строк. Киргизский эпос «Манас» еще больше, — несколько лет тому назад он был записан полностью. Устная народная поэзия в Средней Азии была, по преимуществу, оппозиционной, жало народной сатиры направлялось против баев и мулл. Она преследовалась. Революционно настроенные акыны подвергались каре, как, например, киргизский акын Токтогул. Целые сокровища народной поэзии погибли для литературы и науки, потому что не были записаны. Великий казахский акын Джамбул принужден был замолчать. Двадцать пять лет тому назад он уже был дряхлым стариком, который не мог сесть на коня.

Сегодня знаменитый аксакал советской поэзии, девяностопятилетний Джамбул, снова, как в молодые годы, на коне, бодр и свеж и поет во весь голос о героях Отечественной войны. Это возрождение Джамбула — образ возрождения устной народной поэзии.

На Кавказе живет маленькое племя — кюринцы, их всего три десятка тысяч, — народ этот стал знаменит через своего народного поэта Сулеймана Стальского. Переводы на русский язык стихов Стальского, равно как и Джамбула, Ислам Шаира, Дурды Клыча, Феклы Беззубовой, Фарраха, Гамзата Цадасы, азербайджанских ашугов, армянских гусанов, якутских олонгохутов, киргизских и казахских акынов — смыкают два вида творчества: народную устную и письменную литературу.

Громадное значение для развития национальных литератур имело утверждение в них преимущества национальной культуры, популяризации изданий на национальных языках и в переводах на русский классиков и эпоса: Низами, Навои, «Витязь в тигровой шкуре», «Давид Сасунский», «Джангар» и «Манас».

Роман, повесть, драма, киносценарий развивались и возникали в национальных культурах вместе с ростом и углублением культуры как новые, помимо поэзии, методы художественного восприятия и отражения действительности, а также как пересмотр с новых революционных позиций своей истории.

В национальных литературах есть писатели — прозаики, поэты и драматурги, — которые в известной мере двигают развитие всей советской литературы. В Украине это: Тычина, Рыльский, Корнейчук, Яновский, Панч, Первомайский; в Белоруссии — недавно умерший Янка Купала, Якуб Колас, Бровка, Крапива, Лыньков; в Грузии: Табидзе, Гамсахурдия, Чиковани, Леонидзе, Киачели, Лордкипанидзе, Шалва Дадиани; в Азербайджане: Самед Вургун, Расул Рза, Ордубады; в Узбекистане: Гафур Гулям, Айбек, Алимджан, Яшен, Абдулла Каххар; в Казахстане: Сабит Муканов, Мухтар Ауэзов, Мусрепов, Тажибаев; в Армении: Аветик Исаакян, Дереник Демирчян, Наири Зарьян, Стефан Зорян; в Таджикистане: Лахути и Садреддин Айни, пишущий на таджикском и на узбекском языках; в Киргизии — Аалы Токомбаев и Маликов; в Туркменинии — Берды Кербобаев. Советская еврейская литература выдвинула такие имена, как Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Квитко, Галкин.

Творцы советской литературы молоды свежестью и непосредственностью восприятия нашей эпохи. Советскую литературу можно критиковать, и мы всегда благодарим за это критику, ибо самоуспокоение и самолюбование верная гибель для искусства. Молодость советской литературы в том, что она целиком литература народная, точнее — все ее основное движение — к народу, к вечному источнику творчества. Народ строит и борется во имя реальных задач. Они сформулированы товарищем Сталиным в его кристально ясной, уверенной речи 6 ноября. Свершение этих трех задач — отправка

точка для дальнейшего, столь же реального пути советского народа в отчетливо разворачивающуюся перспективу будущего, в царство Человека с большой буквы. Советская литература молода, — в ней, как в народе, живет и крепнет нравственная сила.

Английский критик Ральф Фокс, погибший в Испании, говорит в своей книге «Роман и народ», что многие английские и французские писатели сворачивают с пути гуманизма, уходят от великих западных традиций. Это так, ибо фашизм, прежде чем ворваться в Европу с танками и бомбардировщиками, привел ее в состояние морального паралича работой «пятых колонн». И вот вам — роман «Путешествие на край ночи», точнее его нужно было бы назвать: «Путешествие Франции на край ночи, от Робеспьера к Лавалю».

Нет, путь советской литературы — гуманизм. «Пролетарское по своему содержанию, национальное по форме, — таково общечеловеческое искусство, к которому идет социализм», — сказал Сталин. Бесклассовое общество, которое мы строим, есть необходимая предпосылка для торжества гуманизма. Человек цель всех наших усилий. Фашизм есть падение человека. Гитлеровские армии [—] это армии мертвецов, штурмующих живое человечество. Красные щиты преградили им путь с той великой нравственной силой, которую не пройти.

Девятьсот советских писателей — романистов, драматургов, поэтов, очеркистов, журналистов — находятся в рядах Действующей армии, среди воюющего советского народа. Помимо непосредственных задач борьбы, — они проходят ту суровую школу художественного опыта, которая, при наличии трех основных слагаемых нашей литературы — социалистической идейности, народности и многонациональности, обуславливает ей мировое будущее.